

ДОЛГОЕ ЭХО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

DOI 10.15826/izv2.2018.20.3.042
УДК 94(100)“1914/19” +
+ 94(470)“1917” + 930(470)“19”

О. С. Поршнева

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

М. А. Фельдман

*Уральский институт управления —
филиал Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Екатеринбург, Россия*

ОСМЫСЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ДВУХ ЮБИЛЕЙНЫХ ДАТ*

В статье рассматривается влияние юбилеев Первой мировой войны и революции 1917 г. на осмысление феномена российской Гражданской войны профессиональными историками. Показано, что 100-летние юбилеи этих эпохальных событий вызвали активизацию дискуссий в ходе конференций, на страницах публикуемых монографий и сборников статей. Обосновывается тезис о том, что определяющим трендом мировой историографии является «вписывание» периода Гражданской войны в рамки более длительного процесса военно-революционного кризиса 1914–1922 гг., имевшего общеевропейский характер, на основе выявления его предпосылок, тенденций развития, характеристик, специфических российских черт. Юбилейные мероприятия и публикации зарубежной и отечественной историографии выявили интерес к изучению опыта войны, культуры и символического пространства военно-революционной эпохи, социальных практик и институтов военного времени, проблем исторической памяти. Проблематика, акцентирующая внимание на эмоциях и индивидуальных переживаниях людей в эпоху военно-революционного кризиса, получила мощный импульс к развитию,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»).

© Поршнева О. С., Фельдман М. А., 2018

что свидетельствовало о дополнении исторических исследований мемориальной перспективой. Наряду с этим в период юбилейных событий отчетливо проявилась тенденция отечественной историографии к активизации исследований Гражданской войны в контексте истории советского проекта. В фокусе внимания оказываются элементы преемственности и институциональные изменения, утопические компоненты большевистского проектирования, практики и механизмы конструирования новой реальности, утвердившиеся в период Гражданской войны и оказавшие форматирующее воздействие на советскую систему. Юбилейные события наглядно продемонстрировали основные тенденции трансформации «памяти историков» об этой эпохе, происходящей под влиянием научных и общественных запросов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: юбилей; историография; Первая мировая война; российская революция 1917 г.; Гражданская война; историческая память.

Ц и т и р о в а н и е: Поршнева О. С., Фельдман М. А. Осмысление российской Гражданской войны в контексте двух юбилейных дат // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 9–26.

Поступила в редакцию 24.05.2018

Принята к печати 21.06.2018

Olga S. Porshneva

Ural Federal University

Yekaterinburg, Russia

Mikhail A. Feldman

Ural Institute of Management,

Branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration

under the President of the Russian Federation

Yekaterinburg, Russia

THE COMPREHENSION OF THE RUSSIAN CIVIL WAR IN THE CONTEXT OF TWO ANNIVERSARIES

This article examines the influence of the anniversaries of World War I and the Russian Revolution of 1917 on the historical interpretation of the phenomenon of the Russian Civil War. The authors demonstrate that the 100th anniversaries of these milestone events revitalised public and professional discussions at conferences, in monographs, and collections of articles. The authors maintain that the dominating tendency in world historiography is an attempt to “insert” the period of the Civil War into a longer process of the all-European military and revolutionary crisis of 1914–1922 with reference to its causes, development, characteristics, and specific Russian features. The anniversary events and publications of non-Russian and Russian historiography testify to the interest in the studies of war, culture, and symbolic space of the military and revolutionary epoch, social practices and wartime institutions, and issues

connected with historical memory. Studies focusing on people's emotions and individual experience during the military and revolutionary crisis resumed, which meant that historical studies were enriched by memoirs. Together with this, anniversary events added to a tendency in Russian historiography where the Civil War was considered in the context of the Soviet project. Such studies focus on elements of succession and institutional changes, utopian components of the Bolshevik strategy, practices and mechanisms underlying the construction of a new reality, which were consolidated during the Civil War and had a formatting effect on the Soviet system. The anniversary events demonstrated the main tendencies in the transformations of the historians' memory of the epoch it underwent under the influence of scholarly and social demand.

Keywords: anniversaries; historiography; World War I; Russian Revolution of 1917; Civil War; historical memory.

Acknowledgements

The study is supported by a grant of the *Russian Scientific Foundation* (project 18-18-00053 "Politics of Memory vs. Historical Memory: The Napoleonic Wars and World War I Anniversaries").

Citation: Porshneva, O. S., & Feldman, M. A. (2018). Osmyslenie rossiiskoi Grazhdanskoi voyny v kontekste dvukh iubileinykh dat [The Comprehension of the Russian Civil War in the Context of Two Anniversaries]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 3 (178), 9–26.

Submitted on 24 May, 2018

Accepted on 21 June, 2018

Историческая литература, посвященная российской революции 1917 г. и Гражданской войне в последние годы (2014–2017) демонстрирует ярко выраженную особенность — зависимость от «юбилейных дат». Два юбилея — Первой мировой войны и российской революции 1917 г. — не только отразили высокий накал общественных дискуссий, но и побудили профессиональное сообщество провести «инвентаризацию» и переосмысление исторических знаний об эпохе войн и революционных потрясений начала XX в.

Столетие со времени начала Первой мировой войны вызвало к жизни ряд индивидуальных и коллективных монографий, сборников материалов научных конференций, сборников статей, публикаций в ведущих научных журналах. В значительной части этих публикаций революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война напрямую увязываются с кризисными процессами и практиками, порожденными мировой войной.

Рассмотрение событий российской революции и Гражданской войны как следствия мировой «империалистической» войны было характерно для советской историографии. Однако концептуальное осмысление механизмов этой связи не только претерпело в современной российской историографии серьезные изменения, но и вышло в последнее десятилетие на качественно новый уровень, что отчетливо продемонстрировали «юбилейные» исторические дискуссии и публикации. Доминирующий научный дискурс обсуждения темы

в зарубежной и отечественной историографии задается, прежде всего, концепцией военно-революционного кризиса 1914–21/22 гг., глубоко обоснованной еще в начале 2000-х гг. П. Холквистом и Дж. Санборном [Holquist; Sanborn, 2003]. Данная теория воплощает значимую методологическую тенденцию последних двадцати лет, которая может быть обозначена как историческая компаративистика, «вписывание» русской революции, ее преобразований и опыта в общеевропейский контекст, порожденный формированием индустриальных обществ, феномена массовой политики, пропаганды и насилия, противостоянием империй и национализма; сравнение на этой основе российских и европейских процессов [Hoffmann; Holquist; Sanborn, 2014; Ливен].

Д. Хоффманн в новейших работах, приуроченных к юбилею российской революции, убедительно доказывает, что советское государство, родившееся в момент тотальной войны, институционализировало практики военного времени: концентрационные лагеря, слежку, цензуру, принуждение, превратив их в постоянные методы управления. Это делалось не только ради сдерживания внешних угроз, — подчеркивает автор, — но и для развития экономики и переделки самого общества [Hoffmann, p. 626]. В своих новейших трудах Дж. Санборн обращается к исследованию предпосылок и форм использования определенных практик насилия и управления в годы революции и Гражданской войны, в том числе обусловивших появление и институализацию феномена военной диктатуры [Sanborn, 2014, p. 216–221].

В юбилейном выпуске «Slavic Review» Дж. Санборн и Э. Лор рассматривают революцию 1917 г. и Гражданскую войну в тесной связи с политическими и социально-психологическими процессами завершающего периода участия России в мировой войне. Суть этих процессов — общественная «демобилизация» (как противоположность национальной мобилизации первого периода войны), государственный коллапс, вызвавшие апатию, разочарование и массовый поворот людей к практикам выживания в период революции и Гражданской войны. Используя компаративный подход, Д. Санборн и Э. Лор констатируют: «Скорость и размах демонтажа полиции, государственной службы и армии помещают российский прецедент в дальний конец сравнительного ряда революций» [Lohr, Sanborn, p. 708], акцентируя тем самым внимание на специфике ее феномена.

Имперская составляющая кризиса российской государственности, обострившегося в период мировой войны и в полной мере проявившегося в условиях революции, также рассматривается исследователями в тесной связи с общеевропейскими и мировыми процессами [Smith; Sanborn, 2014; Ливен, с. 22–23]. Несмотря на пристальное внимание зарубежных историков к имперской проблематике, отмечает Р. А. Хазиев, в ряде их новейших исследований явно недооценивается региональная и этнонациональная вариативность процессов эпохи революции и Гражданской войны [Хазиев, с. 50–51]. Однако вряд ли можно согласиться в полной мере с данной оценкой. В частности, в работе Дж. Санборна [Sanborn, 2014], специально посвященной анализу кризиса имперской

государственности и положению на окраинах, а также в новейшем исследовании М. Стейнберга [Стейнберг, с. 343–443] национально-региональным сюжетам уделено немало внимания. Если зарубежных историков интересует прежде всего положение на национальных окраинах, то российскими специалистами, наряду с этим, разрабатываются проблемы внутрироссийских национальных регионов, ведутся локальные исследования.

Заметной историографической тенденцией, проявившейся в докладах и публикациях, приуроченных к двум юбилеям, было рассмотрение русской революции как части более длительного исторического процесса: не только военно-революционного кризиса 1914–1922 гг., но и «перманентной» революции 1905–1921 гг., социально-политических трансформаций периода модернизации [Стейнберг; Эпоха войн и революций; Figes, 2017], а также 20-летнего революционного процесса 1917–1938 гг. [Фицпатрик, с. 14–20]. Такое «растягивание» хронологических рамок революции, рассмотрение ее как процесса, а не события, ограниченного во времени, вызывает критику части российских историков, прозвучавшую, в частности, в пленарном докладе директора Института истории РАН Н. Н. Смирнова на юбилейной конференции в мае 2017 г. [Смирнов, с. 17]. Можно утверждать, что два юбилея активизировали исследование не только взаимосвязи войны и революции, но и хронотопа русской революции и Гражданской войны.

В преддверии столетия Первой мировой войны приобрела особую актуальность концепция военного опыта как инструмент изучения человека в условиях войн нового и новейшего времени [см.: Опыт мировых войн в истории России, с. 7]. Важными современными направлениями изучения Гражданской войны как части военно-революционных процессов 1914–1922 гг. стало исследование опыта военной повседневности, российского и зарубежного плена, практик выживания и насилия, вариантов индивидуального переживания событий [см.: Нагорная; Нагорная, Нарский; Петроград на переломе эпох; Булдаков, 2010; Нарский, 2014; Давыдов]. Уверенно входят в круг исследований истории Гражданской войны работы по девиантному поведению граждан в этот период [Ульянова; Раков], направляемой сверху организации памяти (политики памяти) и идущих «снизу» коммеморативных практик [Солодянкина].

Одним из ракурсов современного изучения Гражданской войны стало выявление ее роли в трансформации идентичности масс и формировании новой идеи нации. Эта проблема рассматривается авторами в континууме кризиса 1914–1922 гг., в ходе которого происходило конструирование новых символических моделей самоидентификации. Дж. Санборн и М. Стокдейл отмечают значительную роль опыта Первой мировой войны в конструировании гражданской идентичности, формировании идеи нации [Sanborn, 2003, p. 205; Russian Culture in War and Revolution, p. 26]. М. Стокдейл пишет: «Можно скорее заключить, что опыт мировой войны помог укрепить в населении чувство принадлежности к великому национальному сообществу, чем стал проигранным тестом на патриотизм» [Russian Culture in War and Revolution, p. 26]. Д. Санборн

охарактеризовал влияние революционных процессов и периода Гражданской войны на ускорение формирования и трансформацию облика и идеи российской нации. В частности, он отметил, что в годы Гражданской войны большевики создали «классовую» нацию путем объединения в ней различных категорий «трудящихся» и исключения национальных «париев», так же, как предреволюционные официальные власти пытались объединить различные этнические группы под «зонтиком» «русскости» [Sanborn, 2003, p. 205]. Автор рассматривает процесс формирования российской нации в связи с конструированием и усвоением гражданской идентичности, принимавшей разные, но во многом преемственные формы [Ibid., p. 206–207].

Исследование политической культуры эпохи Гражданской войны ведется сегодня преимущественно с позиций «новой политической» и «новой культурной» истории, рассматривается как пространство взаимосвязанных, обусловленных обстоятельствами мировой войны и Революции трансформаций. Признание доминирования эмоционально-символической составляющей в сознании и поведении масс в эпоху военно-революционного кризиса позволило историкам изучить роль образов, слухов, символов, эмоций в политической жизни и массовой культуре этого времени [Figes, Kolonitskii; Russian Culture in War and Revolution; Колоницкий; Булдаков, 2014]. Немалый вклад в исследование политической культуры русской революции внес О. Файджес, рассматривавший Гражданскую войну как продолжение социальной революции, развернувшейся после Февраля 1917 г. [Figes, 1998; 2017; Figes, Kolonitskii]. В своем фундаментальном труде “A People’s Tragedy” («Народная трагедия») он акцентировал внимание на специфике феномена русской революции 1917 г., завершившейся закреплением большевиков у власти [Figes, 1998, p. 808–809]. Рассматривая глубинные причины Гражданской войны, О. Файджес говорит «о двух Россиях», пришедших в столкновение в ходе революции 1917 г. [Ibid., p. 810]. Большевики использовали веками накопленную ненависть масс, чтобы мобилизовать их против белых и «империалистов» и построить свою, основанную на терроре, диктатуру. Большевистское правление было, по оценке историка, зеркальным отражением царского режима, за одним исключением: советская элита была сформирована из народа, что давало советской системе преимущества перед белыми. Другой причиной победы красных в Гражданской войне, предопределившей ее результат, по мнению автора, было «бросающееся в глаза отрицание белых крестьянством и нерусским населением» [Figes, 1998, p. 813]. Знаковым является юбилейное переиздание в 2017 г. данной монографии, в котором автор пришел к пессимистическому выводу о невозможности преодоления Россией своего авторитарного прошлого [Figes, 2017, p. XII].

Отечественные и зарубежные авторы обоснованно подчеркивают и детально аргументируют решающую, «форматирующую» роль Гражданской войны и ее опыта в формировании советской политической системы, ее специфических черт, облика, ценностно-символической структуры [Гимпельсон, с. 223; Bolshevik Culture, p. 57–58; Fitzpatrick, p. 84–90].

Столетний юбилей российской революции 1917 г. высветил не только сохраняющую свою значимость тенденцию объединения историками мировой, гражданской войн и революции в единый процесс и, соответственно, объект исследования, но и относительно новые историографические явления.

К ним можно отнести актуализировавшийся, в первую очередь, в отечественной историографии, взгляд на Гражданскую войну как на самостоятельный феномен, а также изучение этого периода в контексте истории «советского проекта», проблемы конструирования большевиками раннесоветского общества и государства. В последние годы возродился интерес отечественных историков к изучению военных действий противоборствующих сторон, «атаманщины» и «партизанщины», рассматриваемых в тесной связи с политическими процессами 1918–1922 гг. [Вебер; Шведов; «Атаманщина» и «партизанщина»...]. Выявились особое внимание к деятельности «чрезвычайных» органов власти и управления [Позднякова; Сильченко], связанное с интересом современной историографии к проблеме насилия, преемственности и разрыва в использовании методов чрезвычайного управления в условиях войны и революции.

«Юбилейный формат» представления образа Гражданской войны был реализован в работе ряда международных научных конференций, в частности, петербургской [Революция 1917 года в России] и двух екатеринбургских [1917 год в России: социалистическая идея...; Эпоха социалистической реконструкции...]. Изучение трудов этих форумов позволяет определить современные тенденции в истолковании феномена Гражданской войны, отражающие влияние на историческое сообщество как собственно научных, так и общественно-политических запросов.

Одним из факторов современной политики памяти в России, влияющих на «память историков», является потребность в самоопределении по отношению к советскому прошлому, его переосмыслении, оценке итогов советского периода с учетом результатов преобразований 1990–2000-х гг.¹ Историки и обществоведы активно используют теории социального проектирования для интерпретации событий советской истории, рассматривают российскую революцию как длительный, проходивший ряд этапов и циклов, процесс. Это обусловило тенденцию рассмотрения участниками общественных и научных дискуссий периода Гражданской войны как части истории «советского проекта».

Следует признать продуктивность данного подхода, позволяющего изучать нелинейное пространство утопических и новых индустриальных практик, взаимодействие которых определяло вектор модернизации в послеоктябрьской истории. Насилие и террор (столь широко представленные в годы Гражданской войны), связанные с утопическим курсом большевиков на построение в отсталой стране «социалистического» общества, были обусловлены не только марксистским учением, реалиями военного времени, но и вытекали из конкретных

---

¹ Проявлениями современной политики памяти и высокого интереса к «советскому проекту» стали общественные дискуссии в рамках популярных телепередач на центральных каналах «ТВЦ» («Красный проект»), «Культура» («Агора») и др. с привлечением профессиональных историков и общественных деятелей.

традиций российской истории. Это понимание, продемонстрированное на конференциях, позволяет историкам более продуктивно разбираться в сложных переплетениях исторических событий и судеб, социальных и государственных трансформаций в годы Гражданской войны, в частности, увидеть и идентифицировать не только линию разрушения старого аппарата, но и тенденцию преемственности государственных структур до и после Октября 1917 г. Важное значение в этой связи имеет наблюдение Т. Г. Архиповой: «только во вновь образованных наркоматах структурные подразделения пришлось создавать с нуля, во всех остальных восприняли организацию прежних министерств. Так что здесь ломать ничего не пришлось» [Архипова, с. 90].

В докладе В. Б. Шепелевой обращалось внимание на то, что на протяжении всего периода 1917–1920 гг. в политике советского государства прослеживалась революционно-демократическая альтернатива, включавшая допустимость госкапитализма; преобладание в деревне крестьянских индивидуальных хозяйств; установку на достижение необходимого для социализма уровня «цивилизованности» [Шепелева, с. 35]. Такие черты политики «военного коммунизма», как всеобщая трудовая повинность, поголовное принудительное объединение населения в распределительных организациях, принудительное синдицирование, указывает В. Б. Шепелева, далеко не исчерпывали содержание экономической жизни в годы Гражданской войны и носили, как показали дальнейшие события, временный характер [Там же, с. 34]. Следует, правда, отметить, что, как неоднократно подчеркивалось в научной литературе, военно-мобилизационные меры 1918–1920 гг. в сознании немалой части большевиков отложились как подлинно «социалистические».

Чрезвычайно актуальным, рождающим общественные дискуссии является сегодня осмысление социальной политики большевиков. Как показала Л. Н. Мазур, сразу же после революции, в годы Гражданской войны, большевики предприняли масштабные меры по преобразованию социальной структуры общества под лозунгами социальной справедливости и равенства. Они создали новый многофункциональный агитационно-правовой канал, который позволял осуществлять широкие социальные преобразования. Только с 25 октября 1917 г. по 15 марта 1918 г. было принято в общей сложности 343 законодательных акта СНК, ВЦИК и Съездов Советов, что свидетельствовало о небывало высокой интенсивности законотворчества [Мазур, с. 477]. В качестве важнейшего условия достижения равенства выдвигался тезис «диктатуры пролетариата», предполагавший введение ограничений прав для социальных групп — противников революции — и использование инструментов насилия (экспроприация, принуждение, уничтожение) во имя интересов революции. Таким образом, отмечает автор, параллельно с декларацией социального равенства формируется система политического неравенства, основанная на идее насилия большинства над меньшинством [Там же, с. 478].

Утверждение насилия по отношению к явным или потенциальным противникам большевиков проявилось и в создании в годы Гражданской войны сети

концентрационных лагерей, где находилось от 40 до 60 тысяч человек населения РСФСР [Бразевич, с. 278]. Решения об изоляции граждан в концентрационные лагеря принимались в административном порядке. Закон практически не ограничивал перечень субъектов, имевших право на изоляцию людей в концлагеря, лишь бы они были должностными лицами каких-либо органов советской власти. Концентрационные лагеря выполняли еще одну роль, указывает С. С. Бразевич, которая обычно не отмечается в исследованиях: они объективно способствовали распространению страха и ужаса среди широких слоев населения; служили мощным инструментом их запугивания и уничтожения. Те, кто «не попал в концлагерь», но имел основания для этого, начинали вести себя по-иному. Они даже потенциально уходили от возможности оппозиции. Значительными слоями общества овладевал страх за себя и своих близких; страх потерять свободу и сделаться жертвой государственного беззакония [Там же, с. 285].

По мнению В. И. Бондаря, в годы Гражданской войны конструирование партии большевиков как инструмента власти в раннесоветском обществе прошло сложный и неоднозначный путь, далекий и от безудержного восхваления в советский период, и от представления РКП(б) как сугубо террористической организации. Уже в первые месяцы 1918 г. рабочее самоуправление оказалось неэффективным в стране с огромным количеством проблем и в условиях, когда коммунистам необходимо было наладить систему государственной власти и одновременно противостоять вооруженному сопротивлению. В дополнение к местным органам управления и партийным организациям в регионы с наименьшим влиянием советской власти назначались подотчетные только ЦК РКП(б) комиссары. Новая система администрирования, сложившаяся в 1917–1922 гг., включала также назначения и переводы партийных работников по распоряжению ЦК и губкомов. В целом Гражданская война усилила ориентацию системы власти на чрезвычайные, мобилизационные меры [Бондарь, с. 132–133], наметившуюся еще в годы Первой мировой войны.

Убедительной представляется характеристика И. А. Анфертьевым кризисных процессов в системе партийного управления страной в 1919–1920 гг. Бюрократический стиль руководства правящей партии грозил в условиях Гражданской войны утратой поддержки масс. Корректировка курса велась различными способами: внедрением в партийный устав системы дисциплинарных наказаний; подключением административного ресурса ВЧК–ГПУ–ОГПУ; созданием центральных контрольных органов партии (ЦКК); усилением роли Наркомата РКИ; повсеместным созданием Бюро жалоб. Проблема для руководителей партии заключалась еще и в том, что немалая часть членов партии, в первую очередь в регионах, разделяла или поддерживала протестные настроения гражданского населения [Анфертьев, с. 146–147].

Благодаря современным исследованиям стало очевидно, что формирование «нового человека» уже в годы Гражданской войны базировалось на моделировании сознания и поведения людей через различные формы и способы его «большевизации». Значимая заслуга в изучении «обращения в большевизм»

в 1918–1921 гг. принадлежит С. В. Ярову, исследовавшему властные и низовые практики, порождавшие «нового человека», его сценарии, язык и ритуалы, процесс «конформизации» масс. С. В. Яров изучил роль системы идеологического воздействия, различных структур аргументации, политического контроля, политизации повседневного языка и досуга, «конформистские лаборатории» выработки новых автоматизмов мышления и поведения, в работу которых были вовлечены как организаторы, так и сами объекты партийно-государственного воздействия [Яров]. Вместе с тем, современные авторы показывают противоречивость и неоднозначность реакции населения на события и процессы Гражданской войны и пределы возможностей социального инжиниринга [Лившин, с. 303; Поршнева, с. 16].

В формировании новой картины мира большевистские идеологи опирались на традиционалистские установки массового сознания. Внешне совершенно новые идеи о светлом социалистическом будущем ложились на достаточно подготовленную почву отношения народа к власти, выражавшегося в позиции ведомой силы. Революция и Гражданская война стали временем замены и трансформации смыслов и символов, устанавливающих новые связи, когда гармонизация социокультурного пространства происходила в контексте нового мировоззрения. Уже в период 1918–1920 гг. пласт устойчивых традиций (сила религии, вера в лидера / вождя, особенный исторический путь страны) трансформируется в идеи о строительстве социализма, в возвеличивание и мифологизацию создателей и лидеров большевистской партии [Хомяков, с. 707–708].

Авторы разделяют мысль И. В. Михайлова о том, что «...конечный смысл и итог противоборства красных и белых можно уловить не только через подсчет потерь и жертв, а в совершенно иной, скажем, социокультурной плоскости» [Михайлов, с. 648–649]. При этом стоит заметить: выход монографий, раскрывающих события Гражданской войны в России в контексте социально-экономических и социокультурных изменений, взаимосвязи с политическими трансформациями и ходом военных действий, имевший место до юбилейного 2014 года [Нарский, 2001; Рынков; Новикова; Голдин], стал в 2014–2017 гг. редкостью [Яров; Ганин]. Это еще раз подчеркивает многоаспектность темы, рассматриваемой сегодня в более широком хронологическом и проблемном контекстах.

Несмотря на значительное число исследований по истории российской революции 1917 г., к столетию начала Гражданской войны историки подходят, сохраняя широкий круг малоисследованных проблем. Среди них: хронологические рамки и этапы войны [Голдин, с. 35–36]; оценка альтернативных вариантов развития событий; трансформация сословий в 1918–1920 гг.; складывание и эволюция новой советской элиты; взаимоотношения власти и специалистов. Обращает на себя внимание, с одной стороны, сближение подходов отечественных и зарубежных историков на основе приверженности новейшим методологическим ориентирам в истолковании событий и процессов периода военно-революционного кризиса; с другой — их определенная дифференциация,

определяемая преимущественной концентрацией внимания российских авторов на конкретно-исторических, эмпирических изысканиях, а зарубежных — на широкой концептуализации истории российской Гражданской войны, рассматриваемой как часть более длительных исторических процессов. Последний тренд проявился и в трудах российских авторов, чему в немалой степени способствовали исследования и дискуссии, приуроченные к юбилеям эпохальных событий Первой мировой войны и революции 1917 г.

Исследования

1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016.

Анфертьев И. А. Экономический и военно-политический кризис правящей РКП(б) на рубеже 1919–1920-х гг. и меры по его преодолению // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 139–152.

Архипова Т. Г. «Слом» старого и создание нового государственного аппарата в России в 1917 году // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 83–93.

«Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры / под ред. А. В. Посадского. М. : АИРО-XXI, 2015.

Бондарь В. И. Демократический централизм и партийное строительство РКП(б) в 1917–1922 годах: между централизацией и демократией // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 129–137.

Бразевич С. С. Историческая социология революционного насилия: концентрационные лагеря как организованная форма насилия в годы Гражданской войны // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память : материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017. С. 276–285.

Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М. : Новый хронограф, 2010.

Булдаков В. П. Россия, 1914–1918: война, эмоции, революция // Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918 : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.) / [отв. ред.: А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров]. М. : ИРИ РАН, 2014. С. 11–21.

Вебер М. И. Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014.

Ганин А. В. Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М. : Кучково поле, 2016.

Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М. : Наука, 1995.

Голдин В. И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск : МГГУ, 2012.

Давыдов А. Ю. Народ и Советское государство в Гражданской войне: Противостояние в борьбе за хлеб // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX — середина XX вв. : материалы междунар. коллоквиума (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.) / [В. В. Лапин и др.]. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 318–335.

Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012.

Ливен Д. Россия в Первой мировой войне // Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918 : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 сентября — 3 октября 2014 г.) / [отв. ред.: А. Н. Артизов, А. К. Левыкин, Ю. А. Петров]. М. : ИРИ РАН, 2014. С. 22–29.

Лившин А. Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010.

Мазур Л. Н. Формирование социальной структуры советского общества: от идеи равенства к новому неравенству // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 470–496.

Михайлов Н. В. Гражданская война в современной историографии: виден ли свет в конце туннеля // Гражданская война в России: События. Мнения. Оценки: Памяти Юрия Ивановича Кораблева / предисл. И. Х. Урилова ; науч. ред. Н. А. Ивницкий. М. : Раритет, 2002. С. 639–655.

Нагорная О. С. «Другой военный опыт»: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М. : Новый хронограф, 2010.

Нагорная О., Нарский И. Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии // Рос. история. 2014. № 5. С. 13–26.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001.

Нарский И. В. «Жить страшно»: Что воспринималось очевидцами Гражданской войны на Урале как проявления пугающей жестокости? // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX — середина XX вв. : материалы междунар. colloquium (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.) / [В. В. Лапин и др.]. СПб. : Нестор-История, 2014. С. 498–511.

Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920. М. : Новое лит. обозрение, 2011.

Опыт мировых войн в истории России : сб. ст. / [редкол.: И. В. Нарский и др.]. Челябинск : Каменный пояс, 2007.

Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны / С. Яров, Е. Балашов, В. Мусаев и др. СПб. : Нестор, 2000.

Позднякова А. С. Деятельность Вятского губернского революционного трибунала в 1918–1922 гг. как фактор стабилизации власти большевиков в регионе : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015.

Поршнева О. С. «Новый человек» как компонент революционного советского проекта: ключевые проблемы изучения в современной историографии // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 6–18.

Раков В. В. Сундид времен «русской смуты» (на материалах небольшевистской прессы 1918–1920 гг.) // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память : материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017. С. 290–297.

Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память : материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017.

Рышков В. М. Социальная политика антибольшевистских режимов на востоке России (вторая половина 1918 — 1919 г.). Новосибирск : Сибпринт, 2008.

Сильченко И. С. К вопросу о формировании Частей особого назначения Екатеринбургского уезда (1919–1923) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2017. Т. 19. № 3 (166). С. 97–104.

Смирнов Н. Н. О некоторых дискуссионных проблемах Великой русской революции 1917 года // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память : материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017. С. 16–22.

Солодянкина О. Ю. Казусы идентичности: новая губерния, новые герои, новые иностранцы и новые коммеморативные практики // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память : материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017. С. 308–315.

Стейнберг М. Великая русская революция, 1905–1921 / пер. с англ. Н. Эдельмана ; под науч. ред. М. Гершзона. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018.

Ульянова С. Б. Девиантный досуг горожан в революционной России (1917–1921 гг.) // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память : материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017. С. 298–304.

Фицпатрик Ш. Русская революция / пер. с англ. Н. Эдельмана. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018.

Хазиев Р. А. Российская военно-политическая «схватка» периода Революции и Гражданской войны в интерпретации новейшей англоязычной историографии // Революция 1917 года в России: события и концепции, последствия и память : материалы междунар. конф., посвящ. 100-летию Революции 1917 г. в России. СПб., 2017. С. 48–54.

Хомяков С. В. Культурные символы и мифы имперской России и их трансформация в советской идеологической системе // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 702–708.

Шведов И. В. Политическое и военное противостояние на Урале в 1917–1921 гг.: региональная специфика : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2016.

Шепелева В. Б. Инверсионная концепция Октября и нэпа и проблема революционно-демократической альтернативы // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 30–40.

Эпоха войн и революций, 1914–1922 = The Epoch of Wars and Revolutions, 1914–1922 : материалы Междунар. colloquium (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года) / [ред. колл.: Б. И. Колоницкий, Д. Орловски (отв. редакторы) и др.]. СПб. : Нестор-История, 2017.

Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017.

Яров С. В. Человек перед лицом власти. 1917 – 1920-е гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014.

Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution / eds. A. Gleason, P. Kenez, R. Stites. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1985.

Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution. 1891–1924. New York : Penguin books, 1998.

Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution. 1891–1924. London : The Bodley Head, 2017.

Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven ; London : Yale Univ. Press, 1999.

Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. 3rd ed. Oxford : Oxford Univ. Press, 2008.

Hoffmann D. L. The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context // Slavic Review. Fall 2017. Vol. 76. Iss. 3. P. 619–628.

Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass. ; London : Harvard Univ. Press, 2002.

Lohr E., Sanborn J. 1917: Revolution as Demobilization and State Collapse // Slavic Review. Fall 2017. Vol. 76. Iss. 3. P. 703–709.

Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Book 2 : Popular Culture, Identities, Mentalities, and Memory / ed. by M. Frame, B. Kolonitskii, S. G. Marks, M. K. Stockdale. Bloomington : Indiana, 2014.

Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, Ill. : Northern Illinois Univ. Press, 2003.

Sanborn J. A. Imperial Apocalypse. The Great War and the Destruction of the Russian Empire Oxford : Oxford Univ. Press, 2014.

Smith S. A. Russia in Revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928. Oxford : Oxford Univ. Press, 2017.

References

1917 god v Rossii: sotsialisticheskaia ideia, revoliutsionnaia mifologiiia i praktika [1917 in Russia: The Socialist Idea and Revolutionary Mythology and Practice]. Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Anfertyev, I. A. (2017). Ekonomicheskii i voenno-politicheskii krizis praviashchei RKP(b) na rubezhe 1919–1920-kh gg. i mery po ego preodoleniiu [Economic and Military and Political Crisis of the Ruling Russian Communist Party (Bolsheviks) at the Turn of 1920 and Measures to Overcome It]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* [The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths, and Programmes of Social Change] (pp. 139–152). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Arkhipova, T. G. (2016). “Slom” starogo i sozdanie novogo gosudarstvennogo apparata v Rossii v 1917 godu [The “Demolition” of the Old and Establishment of a New State Apparatus in Russia in 1917]. In 1917 god v Rossii: sotsialisticheskaia ideia, revoliutsionnaia mifologiiia i praktika [1917 in Russia: The Socialist Idea and Revolutionary Mythology and Practice] (pp. 83–93). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Bondar, V. I. (2016). Demokraticeskii tsentralizm i partiinoe stroitel'stvo RKP(b) v 1917–1922 godakh: mezhdru tsentralizatsiei i demokratiei [The Democratic Centralism and Party Building of the RCP(b) between 1917 and 1922: Between Centralisation and Democracy]. In 1917 god v Rossii: sotsialisticheskaia ideia, revoliutsionnaia mifologiiia i praktika [1917 in Russia: The Socialist Idea and Revolutionary Mythology and Practice] (pp. 129–137). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Brazevich, S. S. (2017). Istoricheskaya sotsiologiya revoliutsionnogo nasiliia: kontsentratsionnye lageria kak organizovannaya forma nasiliia v gody Grazhdanskoi voyny [The Historical Sociology of Revolutionary Violence: Concentration Camps as an Organised Form of Violence during the Civil War]. In *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledstviia i pamiat'* [The Revolution of 1917 in Russia: Events and Concepts, Consequences and Memory] (pp. 276–285). St Petersburg: St Petersburg Institute of History RAS. (In Russian)

Buldakov, V. P. (2010). *Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918. Usloviia vozniknoveniia, khronika, kommentarii, analiz* [Chaos and Ethnicity. Ethnic Conflicts in Russia, 1917–1918. Conditions of Occurrence, Chronicle, Commentaries, Analysis]. Moscow: Novyi khronograf. (In Russian)

Buldakov, V. P. (2014). Rossiia, 1914–1918: voina, emotsii, revoliutsiia [Russia, 1914–1918: War, Emotions, Revolution]. In A. N. Artizov, A. K. Levykin, & Yu. A. Petrov (Eds.), *Rossiia v gody Pervoi mirovoi voyny. 1914–1918* [Russia during World War I. 1914–1918] (pp. 11–21). Moscow: IRI RAN. (In Russian)

Davydov, A. I. (2014). Narod i Sovetskoe gosudarstvo v Grazhdanskoi voine: Protivostoianie v bor'be za khleb [People and the Soviet State in the Civil War: Confrontation in the Struggle for Bread]. In V. V. Lapin et al., *Malen'kii chelovek i bol'shaia voina v istorii Rossii: seredina XIX — seredina XX vv.* [The Little Man and the Great War in the History of Russia: Mid-19th — Mid-20th Centuries] (pp. 318–335). St Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russian)

Figes, O. (1998). *A People's Tragedy. The Russian Revolution. 1891–1924*. New York: Penguin books.

Figes, O. (2017). *A People's Tragedy. The Russian Revolution. 1891–1924*. London: The Bodley Head.

Figes, O., & Kolonitskii, B. (1999). *Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917*. New Haven, London: Yale University Press.

Fitzpatrick, Sh. (2008). *The Russian Revolution*. 3rd Ed. Oxford: Oxford University Press.

- Fitzpatrick, Sh. (2018). *Russkaia revoliutsiia* [The Russian Revolution]. Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russian)
- Frame, M., Kolonitskii, B., Marks, S. G., & Stockdale, M. K. (Eds.). (2014). *Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Book 2: Popular Culture, Identities, Mentalities, and Memory*. Bloomington: Indiana.
- Ganin, A. V. (2016). *Povsednevnaia zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom* [The Daily Life of General Staff under Lenin and Trotsky]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian)
- Gimpelson, E. G. (1995). *Formirovanie sovetskoi politicheskoi sistemy. 1917–1923 gg.* [The Formation of the Soviet Political System. 1917–1923]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Gleason, A., Kenez, P., & Stites, R. (Eds.). (1985). *Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington: Indiana University Press.
- Goldin, V. I. (2012). *Grazhdanskaia voina v Rossii skvoz' prizmu let: istoriograficheskie protsessy* [The Civil War in Russia through the Prism of Years: Historiographical Processes]. Murmansk: MGGU. (In Russian)
- Hoffmann, D. L. (2017, Fall). The Great Socialist Experiment? The Soviet State in its International Context. *Slavic Review*, 76, 3, pp. 619–628.
- Holquist, P. (2002). *Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press.
- Khaziev, R. A. (2017). Rossiiskaia voenno-politicheskaia "skhvatka" perioda Revoliutsii i Grazhdanskoi voiny v interpretatsii noveishei angloiazychnoi istoriografii [Russian Military and Political "Battle" of the Period of Revolution and Civil War according to the Latest English Historiography]. In *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledstviia i pamiat'* [The Revolution of 1917 in Russia: Events and Concepts, Consequences and Memory] (pp. 48–54). St Petersburg: St Petersburg Institute of History RAS. (In Russian)
- Khomyakov, S. V. (2017). Kul'turnye simvoly i mify imperskoi Rossii i ikh transformatsiia v sovetskoi ideologicheskoi sisteme [Cultural Symbols and Myths of Imperial Russia and Their Transformation in the Soviet Ideological System]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniia* [The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programmes of Social Transformations] (pp. 702–708). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)
- Kolonitskii, B. I. (2012). *Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniiu politicheskoi kul'tury rossiiskoi revoliutsii 1917 goda* [Symbols of Power and Struggle for Power: On the Studies of Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. St Petersburg: Liki Rossii. (In Russian)
- Kolonitskii, B. I., & Orlovski, D. (Eds.). (2017). *The Epoch of Wars and Revolutions, 1914–1922: Proceedings of the International Colloquium* (St Petersburg, 9–11 June, 2016). St Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russian)
- Liven, D. (2014). Rossiia v Pervoi mirovoi voine [Russia in World War I]. In A. N. Artizov, A. K. Levykin, & Yu. A. Petrov (Eds.), *Rossiia v gody Pervoi mirovoi voiny. 1914–1918* [Russia during World War I. 1914–1918] (pp. 22–29). Moscow: IRI RAN. (In Russian)
- Livshin, A. Ya. (2010). *Nastroeniia i politicheskie emotsii v Sovetskoi Rossii: 1917–1932 gg.* [Moods and Political Emotions in Soviet Russia: 1917–1932]. Moscow: ROSSPEN; Fond "Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina". (In Russian)
- Lohr, E., & Sanborn, J. (2017, Fall). 1917: Revolution as Demobilization and State Collapse. *Slavic Review*, 76, 3, 703–709.
- Mazur, L. N. (2017). Formirovanie sotsial'noi struktury sovetskogo obshchestva: ot idei ravenstva k novomu neravenstvu [The Formation of the Social Structure of Soviet Society: From the Idea of Equality to New Inequality]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniia* [The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programmes of Social Transformations] (pp. 470–496). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)
- Mazur, L. N. (Ed.). (2017). *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniia* [The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programmes of Social Transformations] (pp. 30–40). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Mikhailov, N. V. (2002). *Grazhdanskaia voina v sovremennoi istoriografii: viden li svet v kontse tunnelia* [Civil War in Modern Historiography: Is there Light at the End of the Tunnel?]. In N. A. Ivnit-skii (Ed.), *Grazhdanskaia voina v Rossii: sobytiia, mneniia, otsenki: Pamiati Yuria Ivanovicha Korableva* [Civil War in Russia: Events, Opinions, Evaluations: the Memory of Yuri Ivanovich Korablev] (pp. 639–655). Moscow: Raritet. (In Russian)

Nagornaya, O. S. (2010). *“Drugoi voennyi opyt”: rossiiskie voennoplennnye Pervoi mirovoi voiny v Germanii (1914–1922)* [“Another Military Experience”: Russian POWs of World War I in Germany (1914–1922)]. Moscow: Novyi khronograf. (In Russian)

Nagornaya, O., & Narsky, I. (2014). *Proigrannaiia voina, poisk vinovnikov i ten’ natsizma: Per-vaia mirovaia voina v nemetskoj istoriografii* [The Lost War, the Search for Culprits and the Shadow of Nazism: World War I in German Historiography]. *Rossiiskaia istoriia*, 5, 13–26. (In Russian)

Narsky, I. V. (2001). *Zhizn’ v katastrofe: Budni naseleniia Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Disaster: The Everyday Life of the Population of the Urals in 1917–1922]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Narsky, I. V. (2014). *“Zhit’ strashno”: Chto vosprinimalos’ ochevidtsami Grazhdanskoi voiny na Urale kak proiavlennii pугaiushchei zhestokosti?* [“Living is Frightening”: What Was Perceived by Eyewitnesses of Civil War in the Urals as Manifestations of Frightening Cruelty?]. In V. V. Lapin et al., *Malen’kii chelovek i bol’shaia voina v istorii Rossii: seredina XIX — seredina XX vv.* [The Little Man and the Great War in the History of Russia: Mid-19th — Mid-20th Centuries] (pp. 498–511). St Petersburg: Nestor-Istoriia. (In Russian)

Narsky, I. V. et al. (Eds.) (2007). *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii* [The Experience of World Wars in the History of Russia]. Chelyabinsk: Kamennyi poias. (In Russian)

Novikova, L. G. (2011). *Provintsial’naia “kontrrevoliutsiia”: Beloe dvizhenie i Grazhdanskaia voina na ruskom Severe, 1917–1920* [The Provincial “Counter-revolution”: The White Movement and Civil War in the Russian North, 1917–1920]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Porshneva, O. S. (2017). *“Novyi chelovek” kak komponent revoliutsionnogo sovetskogo proekta: kliuchevye problemy izucheniia v sovremennoi istoriografii* [The “New Man” as a Component of the Revolutionary Soviet Project: Key Research Issues in Modern Historiography]. In L. N. Mazur, *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial’nykh preobrazovanii* [The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programmes of Social Transformations] (pp. 6–18). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Posadskii, A. V. (Ed.) (2015). *“Atamanshchina” i “partizanshchina” v Grazhdanskoi voine: ideologiya, voennoe uchastie, kadry* [“Atamans” and “Guerrillas” in the Civil War: Ideology, Military Involvement, Personnel]. Moscow: AIRO-XXI. (In Russian)

Pozdnyakova, A. S. (2015). *Deiatel’nost’ Vyatskogo gubernskogo revoliutsionnogo tribunala v 1918–1922 gg. kak faktor stabilizatsii vlasti bol’shevikov v regione* [Activities of the Vyatka Provincial Revolutionary Tribunal between 1918 and 1922 as a Stabilisation Factor of the Bolshevik Regime in the Region] (doctoral dissertation abstract). Yekaterinburg. (In Russian)

Rakov, V. V. (2017). *Suitsid vremen “russkoi smuty” (na materialakh nebol’shevistskoi pressy 1918–1920 gg.)* [Suicide of the Times of the “Russian Distemper” (with Reference to the Non-Bolshevik Press of 1918–1920)]. In *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledstviia i pamiat* [The Revolution of 1917 in Russia: Events and Concepts, Consequences and Memory] (pp. 290–297). St Petersburg: St Petersburg Institute of History RAS. (In Russian)

Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledstviia i pamiat [The Revolution of 1917 in Russia: Events and Concepts, Consequences and Memory]. St Petersburg: St Petersburg Institute of History RAS. (In Russian)

Rynkov, V. M. (2008). *Sotsial’naia politika antibol’shevistskikh rezhimov na vostoche Rossii (vtoraiia polovina 1918 — 1919 g.)* [The Social Policy of Anti-Bolshevik Regimes in the East of Russia (Second Half of 1918 — 1919)]. Novosibirsk: Sibprint. (In Russian)

Sanborn, J. (2003). *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press.

Sanborn, J. A. (2014). *Imperial Apocalypse. The Great War and the Destruction of the Russian Empire*. Oxford: Oxford University Press.

Shepeleva, V. B. (2017). Inversionnaya kontseptsia Oktiabria i nipa i problema revoliutsionno-demokraticeskoi al'ternativy [The Inverse Concept of October and the New Economic Policy and the Issue of Revolutionary-democratic Alternatives]. In L. N. Mazur (Ed.), *Epokha sotsialisticheskoi rekonstruktsii: idei, mify i programmy sotsial'nykh preobrazovaniy* [The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programs of Social Transformations] (pp. 30–40). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Shvedov, I. V. (2016). *Politicheskoe i voennoe protivostoianie na Urale v 1917–1921 gg.: regional'naya spetsifika* [Political and Military Confrontation in the Urals in 1917–1921: Regional Peculiarities] (doctoral dissertation abstract). Chelyabinsk. (In Russian)

Silchenko, I. S. (2017). K voprosu o formirovaniy Chastei osobogo naznacheniiya Ekaterinburgskogo uezda (1919–1923) [On the Formation of Special Forces in Yekaterinburg Region between 1919 and 1923]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 19, 3 (166), 97–104. (In Russian)

Smirnov, N. N. (2017). O nekotorykh diskussionnykh problemakh Velikoi russkoi revoliutsii 1917 goda [On Some of the Debatable Issues of the Great Russian Revolution of 1917]. In *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledstviia i pamiat'* [The Revolution of 1917 in Russia: Events and Concepts, Consequences and Memory] (pp. 16–22). St Petersburg: St Petersburg Institute of History RAS. (In Russian)

Smith, S. A. (2017). *Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928*. Oxford: Oxford University Press.

Solodyankina, O. Yu. (2017). Kazusy identichnosti: novaia guberniia, novye geroi, novye inostrantsy i novye kommemorativnye praktiki [Incidents of Identity: New Region, New Characters, New Foreigners, and New Commemorative Practices]. In *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledstviia i pamiat'* [The Revolution of 1917 in Russia: Events and Concepts, Consequences and Memory] (pp. 308–315). St Petersburg: St Petersburg Institute of History RAS. (In Russian)

Steinberg, M. (2018). *Velikaia russkaia revoliutsiia, 1905–1921* [The Great Russian Revolution, 1905–1921]. Moscow: Gaidar Institute Press. (In Russian)

Ulyanova, S. B. (2017). Deviantnyi dosug gorozhan v revoliutsionnoi Rossii (1917–1921 gg.) [The Deviant Leisure of City-dwellers in Revolutionary Russia (1917–1921)]. In *Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sobytiia i kontseptsii, posledstviia i pamiat'* [The Revolution of 1917 in Russia: Events and Concepts, Consequences and Memory] (pp. 298–304). St Petersburg: St Petersburg Institute of History RAS. (In Russian)

Weber, M. I. (2014). *Antibol'shevistskoe povstanchestvo na Urale v gody Grazhdanskoi voiny* [Anti-Bolshevik Insurgency in the Urals during the Civil War] (doctoral dissertation abstract). Yekaterinburg. (In Russian)

Yarov, S. V. (2014). *Chelovek pered litsom vlasti. 1917 – 1920-e gg.* [People Facing the Authorities. 1917–1920s]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN); Fond “Prezidentskiy tsentr B. N. El'tsina”. (In Russian)

Yarov, S., Balashov, E., Musaev, V., Rupasov, A., & Chistikov, A. (2000). *Petrograd na perelome epokh. Gorod i ego zhiteli v gody revoliutsii i grazhdanskoi voiny* [Petrograd at the Turn of Epochs. The City and Its Inhabitants during the Revolution and Civil War]. St Petersburg: Nestor. (In Russian)

Поршнева Ольга Сергеевна

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории и социальных технологий
Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: o.s.porshneva@urfu.ru

Фельдман Михаил Аркадьевич

доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного управления
и политических технологий
Уральский институт управления
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при президенте РФ
620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Porshneva, Olga Sergeevna

Dr. Hab. (History), Professor
Department of History and Social
Technologies
Ural Federal University
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia
Email: o.s.porshneva@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-3265-7010
Scopus ID: 38261641400

Feldman, Mikhail Arkadyevich

Dr. Hab. (History), Professor
Department of Public Administration
and Political Technologies
Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration under the President
of the Russian Federation
66, 8 March Str., 620144 Yekaterinburg,
Russia
Email: feldman-mih@yandex.ru